

«Поэтам не всё дозволено»

Алексей Кузнецов

«Непроспавшийся же и злой антисемит Парасюхин, конечно же, не выдерживает. В кухне становится черным-черно, как в известном письме известного писателя известному историку». Фрагмент коммунальной ссоры в романе братьев Стругацких «Отягощённые злом» взят с натуры — в материале недостатка не было.

Еврейский вопрос их испортил...

И это не только знаменитая в эпоху перестройки переписка писателя (Виктора Астафьева) и историка (Натаана Эйдельмана) по национальному вопросу, прямо упомянутая авторами. Политическая, бытовая, научная, спортивная — нет, кажется, ни одной сферы советской жизни, в которой не проявился многократно с высоких трибун заклеймённый и в отчётах полностью искоренённый антисемитизм, «родимое пятно капитализма» и «проклятое наследие царского режима» в расхожих определениях советской публистики. Характерен в этом смысле диалог в романе Ильфа и Петрова «Золотой телёнок» (1931) между двумя журналистами — советским, заявившим, что в СССР нет «еврейского вопроса», и американским:

«Мистер Бурман взволновался. Всю жизнь он писал в своей газете статьи по еврейскому вопросу, и расстаться с этим вопросом ему было больно.

— Но ведь в России есть евреи? — сказал он осторожно.

— Есть, — ответил Паламидов.
 — Значит, есть и вопрос?
 — Нет. Евреи есть, а вопроса нету». Между тем вопрос был. И ещё какой! 10 декабря 1923 года в Москве в Доме печати (бывшая усадьба Прибыловых на Никитском бульваре, ныне Дом журналиста, знаменитый Дом-жур) происходило заседание, уже вполне привычное для «нового советского быта» — товарищеский суд. Газета «Рабочая Москва» анонсировала: «Поэтам не всё дозволено. Нужно отвечать за каждую строчку. Сегодня, в 8 часов вечера, в “Доме Печати” состоится заседание товарищеского суда по делу поэтов Есенина, Орешина, Клычкова и Ганина».

Суд товарищей

Первое упоминание такого рода квазисудебных органов содержится в декрете СНК РСФСР от 14 ноября 1919 года «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах». Создавались они «в целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда до наивысших пределов и целесообразного

▲ Вход в Дом печати. 1923–1925 годы

использования всех производительных сил, имеющихся в стране». Впрочем, золотой век товарищеских

▲ Сергей Есенин и Айседора Дункан на пароходе París во время путешествия в США. 1 октября 1922 года

судов оказался короток: в 1923-м вступил в действие Кодекс законов о труде РСФСР, согласно которому поддержание трудовой дисциплины возлагалось исключительно на администрацию предприятий и учреждений. «Товарищам судьям» же оставили только дела об оскорблении и обидах, возникающих внутри трудового коллектива.

До создания Союза советских писателей оставалось более десяти лет

Могло показаться, что «трудовое писательство» оказалось обойдено этим юридическим нововведением — ведь до создания Союза советских писателей оставалось ещё более десяти лет. Но на самом деле и в 20-е годы то там, то тут

▲ Сергей Есенин (слева) и Алексей Ганин. 1916 год

возникали различные литературские объединения различной политической и художественной направленности. Разумеется, они хотели, чтобы с ними считались, и потому поддерживали разнообразные формы общественной активности. В том числе — и товарищеские суды.

Суд да дело

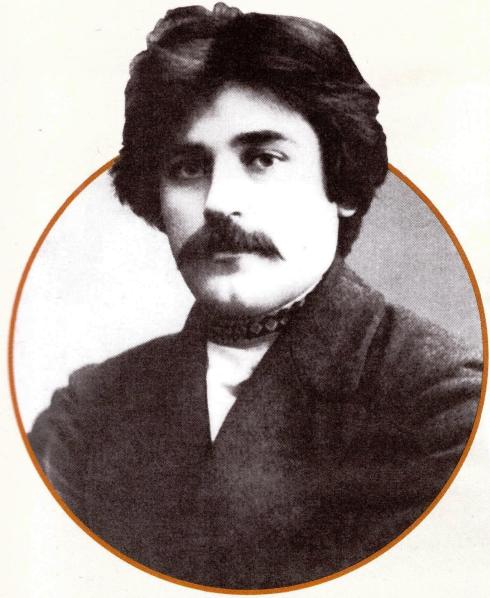
Происшедшее в одной из московских пивных, густо расплодившихся после введения нэпа, пострадавший Марк Родкин, профсоюзный деятель средней руки, работник Московского совета производственных объединений, изложил следующим образом: «Рядом со мной сидело четверо прилично одетых молодых граждан и пили пиво. Они были далеко не настолько пьяны, чтобы не в состоянии были отдать себе отчёт в своих действиях. Они вели между собой разговор о советской власти. [...] Двое из них сразу перешли на тему о жидах, указывая на то, что во всех бедствиях и страданиях “нашей России” виноваты жиды. Указывалось на то, что против засилия жидов необходимы особые меры, как погромы и массовые избиения. Видя, что я им не отвечаю и что стараюсь от них отворачиваться,

желая избежнуть столкновения, они громко стали шуметь и ругать паршивых жидов... Затем эти же двое граждан говорили о том, что в существовании чёрной биржи виноваты те же жиды-биржевики, которых поддерживают “их Троцкий и Каменев”. Такое же оскорбление вождей русской революции меня до глубины души возмутило, и я решил об этом заявить в отделение милиции для составления протокола...»

В отделении милиции выяснилось, что «четырьмя прилично одетыми молодыми гражданами» были Сергей Александрович Есенин,

► Пётр Орешин. 1923–1927 годы

▲ Сергей Клычков. 1911 год

Алексей Алексеевич Ганин, Пётр Васильевич Орешин и Сергей Антонович Клычков. Все они принадлежали к так называемым «новокрестьянским поэтам» — группе литераторов Серебряного века, происходивших из крестьян. Термин «новокрестьянские» появился для того, чтобы отделить их от Алексея Кольцова, Ивана Никитина и других стихотворцев XIX века, имеющих «крестьянскими».

Показания дежурного милиционера 47-го отделения милиции Ипполита Абрамовича (его допрашивали во время следствия в качестве свидетеля) передают подробности «развития темы» задержанными литераторами: «Спустя некоторое время они запели вискажённой форме с ударением на “р”, подражая еврейскому акценту, рев. песню “вышли мы все из народа, дети семьи трудовой” и т. д. Ст. участковый надзиратель т. Березин, бывший в то время в комнате, приказал им замолчать, после чего они успокоились и промежу собой повели разговор о том, зачем “жидовские литераторы лезут в русскую литературу, они только искажают смысл русских слов” и в этом духе проходил их разговор с иронией и усмешками, направленными против евреев».

Выпросив у дежурного возможность позвонить по телефону, Есенин обратился за помощью к поэту Демьяню Бедному, имевшему, как говорится, большой аппаратный

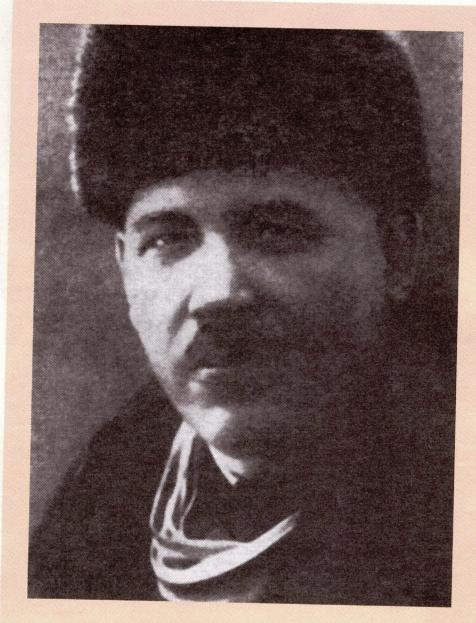
вес. Услышав от Есенина его версию происшедшего: «Ну, конечно, выпили. Стали говорить о жидах. Вы же понимаете, дорогой товарищ, куда ни кинь — везде жиды. И в литературе все жиды. А тут подошёл какой-то тип и привязался. Вызвали милиционеров, и вот мы попали в милицию», Демьян Бедный тут же заявил дежурному, что он этим «прхвостам не заступник».

«Дурная слава»

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и весёлый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист...*

Написано Есениным в том самом 1923-м. «Прокатилась»... Отчего же это она прокатилась?

Галина Бениславская, журналист, сотрудник газеты «Беднота», влюблённая в Есенина и взявшая на себя немалые заботы о его бытовых и литературных делах, считала, что всё происходившее с Есениным в последние годы его жизни — результат влияния его друзей, которых она жгуче ненавидела: «Появилась обида на советскую власть за себя, за то, что отмели его, за то, что он в стороне от новой жизни, что не он строит её. Обиделся и за то, что даже в своей

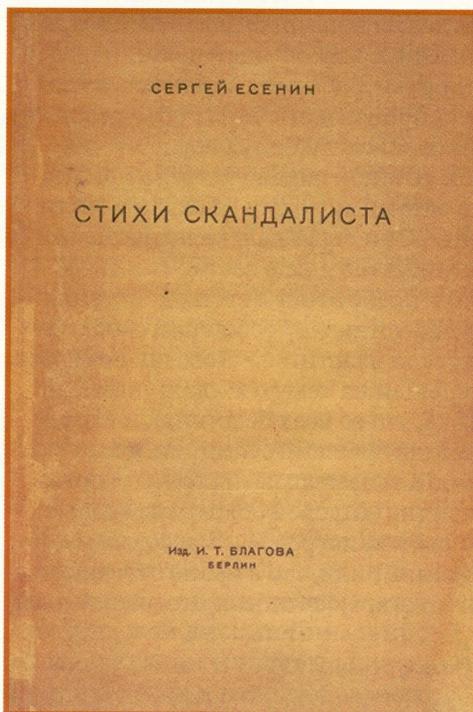
▲ Демьян Бедный. 1920 год

области, в поэзии, не он хозяин. Кого винить? Советскую власть, которую ждал, которую приветствовал, — невозможно. Но виновник нужен. Искать долго не пришлось — кстати,

Надо заметить, что «срывы» бывали у Есенина и вдали от приятелей

попал в окружение Клычковых, Ганиных, Орешиних и Наседкиных (много их у нас на Руси). У них всё ясно — жиды, кругом жиды виноваты. Во всём виноваты — не печатают стихов, гонорар не сыпется, как золотые монеты из сказочного ослика, слава и признание не идут навстречу — во всём жиды виноваты».

Справедливости ради надо заметить, что «срывы» бывали у Есенина и вдали от приятелей. Например, в США в январе 1923 года на вечеринке у поэта Мани-Лейба Брагинского Есенин, бывший прилично «на взводе», оскорбил хозяина соответствующим образом, за что потом долго

▲ Титульный лист берлинского издания сборника «Стихи скандалиста». 1923 год

▲ Галина Бениславская. Начало 1920-х годов

письменно извинялся (он, вообще-то, высоко ценил Брагинского как поэта и питал к нему человеческую симпатию). Очевидно, что, если мысль о том, что «во всём они виноваты», и была навеяна поэту его окружением, семена упали на подготовленную почву. Та же Бениславская признавала: «Была древняя российская закваска по отношению к "жидам". Это ещё из деревни принёс он...»

Противная сторона

При всей некрасивости поведения Есенина и его друзей в пивной и в отделении, нельзя не заметить,

что развернувшаяся против них «общественная кампания» поначалу также имела характер вполне отчёtlивый. Застрельщиком её выступил известный в то время публицист, штатный сотрудник «Правды» Лев Сосновский, тремя годами ранее заработавший уничтожительную оценку самого Ленина (см. врез), знавшего толк в «полемических перехлёстах». В серии посвящённых инциденту статей Лев Семёнович не только вышел на уровень высоких обобщений, но и прямо придал им характер доноса: «Уже сейчас можно сказать, что, каков бы ни был приговор суда, кое-что должно измениться в отношении наших органов к тем из своих сотрудников, которые недостаточно связаны с революцией и которые умеют зачастую скрывать свои истинные настроения под удобной маской "приятия" революции».

Есенин, на отсутствие темперамента и в прежние годы не жаловавшийся, а к 1923-му и вовсе пошедший в разнос под воздействием алкоголя, ответил Сосновскому крайне оскорбительным текстом «Россияне» (см. врез), ходившим в околовитературных кругах «в списках».

Склока приобрела такой размах и столь отталкивающий характер, что закрытое совещание представителей правлений литературных организаций Москвы, специально собранное по данному поводу,

«Некоторые типы,
находясь в такой блаженной одури
и упоённые тем, что на скотном дво-
ре и хавронья сходит за царицу, дошли
до того, что и впрямь стали отстаивать
точку зрения скотного двора. Сие отно-
сится к тому типу, который часто подпи-
сывается фамилией Сосновский».

С. Есенин, «Россияне»

вынуждено было одёрнуть обе стороны и заявить, что «считает необходимым воздержаться от окончательного суждения по этому вопросу до решения суда, профессионального или уголовного». Под профессиональным понимался товарищеский.

«И сели судьи...»

Из имён литераторов, составивших судебное «присутствие», сегодня памятны, пожалуй, только правдист Платон Керженцев и акмеист Владимир Нарбут. Общественным обвинителем выступал всё тот же Сосновский. Поддерживал его бывший формально свидетелем Демьян Бедный, изо всех сил рвавшийся в «первые пролетарские поэты». Приговор огласили 13 декабря: суд вынес четвёрке общественное признание, повторно одёрнул Сосновского и постановил, что «инцидент с четырьмя поэтами ликвидируется настоящим постановлением това-

рищеского суда и не должен служить в дальнейшем поводом или аргументом для сведения литературных счётов».

Позже уже государство «всех уравняло»: Ганина расстреляли во внебуденном порядке в 1925-м, Орешина, Клычкова, Сосновского, Нарбута казнили в годы Большого террора. Досталось даже случайно оказавшемуся в деле рядовому милиционеру Абрамовичу — он получил в конце 1930-х десять лет и умер в лагере. Судьба Есенина известна.

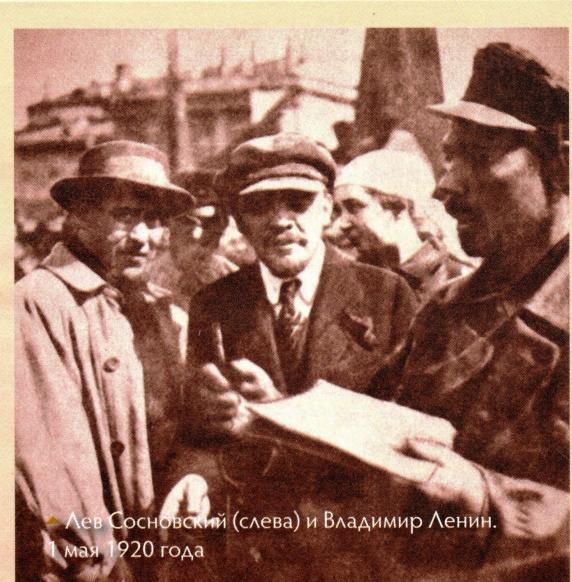
Или неизвестна — есть и такое мнение. ▽

«Тов. Сосновский

даже превосходные статьи свои, скажем, из области производственной пропаганды, умел иногда снабжать такой "ложкой дёгтя", которая далеко перевешивала все плюсы производственной пропаганды.

<...> Бывают такие не очень счастливые натуры, которые чересчур часто заражают свои нападки ядом. Тов. Сосновскому полезно было бы за собой, по этой части, присматривать и даже друзей своих попросить, чтобы они за ним присматривали».

В. Ленин, «Ещё раз о профсоюзах,
о текущем моменте и об ошибках
тт. Троцкого и Бухарина»
(январь 1921 года)

▲ Лев Сосновский (слева) и Владимир Ленин.
1 мая 1920 года